

ВИКТОРИЯ ТОКАРЕВА

Сборники произведений
Виктории Токаревой
в издательстве «Азбука-Аттикус»

О том, чего не было
Летающие качели
Ничего особенного
Извинюсь. Не расстреляют
Сказать — не сказать...
Римские каникулы
Антон, надень ботинки!
Можно и нельзя
Почем килограмм славы
Этот лучший из миров
Мужская верность
Птица счастья
Террор любовью
Дерево на крыше
Тихая музыка за стеной
Короткие гудки
Так плохо, как сегодня
Сволочей тоже жалко
Муля, кого ты привез?
Мои мужчины
Немножко иностранка

Виктория Токарева

Почем килограмм славы

Рассказы и киноповесть

Санкт-Петербург

УДК821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43
Т51

Токарева В.

Т51 Почем килограмм славы : Рассказы и киноповесть. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 224 с.
ISBN 978-5-389-08805-4

«Наша жизнь — это не только то, что мы сделали. Но и то, что не сделали: не пошли на зов любви, не вспахали грядку под огурцы, не родили ребенка. Жизнь — как банка с клубникой. Между ягодами — пустоты. Но пустоты — это тоже наполнение. Кого мы помним? Тех, кто нас собирал. И тех, кто разорял. Разорял наши души, как гнезда. Они тоже нужны».

В. Токарева

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43

ISBN 978-5-389-08805-4

© Токарева В.С., 1993, 1998

© Токарева В.С., Дanelия Г.Н., 1971

© Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016
Издательство АЗБУКА®

ОДИН ИЗ НАС

Во ВГИКе существовал термин «выйти в производство». Это значило: написать сценарий, который примет киностудия. К нему найдется режиссер и снимет кино. Если идти дальше и фильм окажется удачей, то его пошлют на кинофестиваль, он получит приз. А если еще дальше — представят на «Оскар». И фильм окажется удостоенным самой высокой международной оценки. Но это слишком далеко. Мне хотелось самого простого: выйти в производство. И даже это казалось недостижимым.

Однажды мне позвонил Доработчик и попросил, чтобы я встретила с его другом Аликом. А может быть, позвонил сам Алик и, сославшись на Доработчика, попросил о встрече. А может, вообще никто не звонил, мы просто встретились с Аликом в метро. Момент первого знакомства из моей памяти выпал. Помню только себя

и Алика в метро. Я передаю ему свой рассказ. Он хочет снимать кино и ищет для этого драматургический материал. Видимо, ему посоветовали меня. Мое имя начинало тогда неярко мерцать.

Алик — высокий блондин арийского типа. Тонкое лицо, голубые глаза, тихий голос. Объективно — красивый. Но для меня красота — это не рост, не внешность, а талант, который просачивается через глаза. Или хлещет через глаза. У Алика ничего не хлестало, жизненный напор был слабым, как и голос.

Снимать комедию гораздо сложнее, чем мелодраму. Заставить зрителя засмеяться гораздо труднее, чем заплакать. Врожденный юмор — это умение видеть мир через определенное стекло. Одни видят, а другие нет. Владимир Ильич Ленин, например, говорил о себе так: «Я понимаю юмор, но не владею им». А Ленин был умным и даже блестящим человеком. Однако юмором не владел.

Алик тоже понимал юмор, но не владел им совершенно. И при этом стремился снимать комедию.

Мое впечатление от Алика нулевое. Я вижу его глазами, но не улавливаю его сущности.

Алик забирает рукопись и уходит. Я смотрю ему в спину. Он ступает как-то неуверенно. Одни идут уверенно — и все берут.

Другие идут неуверенно и просят. И им не дают. И они обижаются.

Дальше я помню, как мы вдвоем — я и Алик — оказываемся у Доработчика дома. Идет разминка, мы проговариваем возможные сюжеты для комедии. И вдруг зацепились за историю типа: ехал грека через реку, видит грека... — и так далее, куда он попадает, что видит и что с ним случается, с нашим смешным, доверчивым и трогательным Грекой. О том, как он влипает, как «кур в ощи́п», в авантюрную историю. Я, кстати, долгое время думала: «как кур во щи». Но это примерно одно и то же. Куру сначала ощипывают, потом кладут во щи. Так что для куры все кончается одинаково, как и для нашего Греки.

Итак, мы решили написать сценарий. Впереди предстояла большая и бесславная работа. Кто знает сценариста? Никто. Сценаристы славы не имеют. Все достается актерам, потом режиссерам. Тогда зачем я должна изо дня в день сидеть над машинкой сгорбившись, портить здоровье, гнать строчки одну за другой? Что меня гонит? Инстинкт передачи информации — его называют Талант. Существует инстинкт продолжения рода, который зовется Любовь. Значит, талант такой же мощный инстинкт, как любовь, и никуда от этого не денешься. Сядешь и будешь писать.

Талант в человеке навязывает свою программу. Как будто закладывается опреде-

ленная дискета. Когда человек садится за машинку, он не подозревает, что это талант усаживает его за стол, и работает, и вырабатывает себя. Дело человека — не мешать, не разбавлять водкой, враньем и деньгами. Иначе талант останавливается. Он не может вырабатывать себя в испорченной машине.

Итак, меня погнали в работу инстинкт и тщеславие. Желание славы. «Чтобы именем моим все, все вокруг тебя...» и так далее.

Доработчика усадил за сценарий культ дружбы. Алик — друг. Значит, во имя Алика.

А что погнало в кино Алика? Карина. Девушка его мечты.

Когда Алик увидел Карину в первый раз — это случилось на юге, на пляже, — он сразу понял, что это — ОНА и вся его дальнейшая жизнь будет идти под знаком: продвижение к Карине. Пусть даже по миллиметру в год.

В ту пору Алик учился в техническом вузе, должен был стать инженером. Одним из многих. Инженер — профессия не престижная. Палкой кинешь — в инженера попадешь.

Мода на профессии менялась в течение века. В тридцатых годах модная профессия — летчик. Как Чкалов. В сороковых — генерал, лучше маршал. В шестидесятых — кинорежиссер. В девяностых — банкир. Но вернемся в шестидесятые...

Алик решил сменить статус и поступить на режиссерские курсы, поскольку режиссер — профессия избранных. Чтобы достичь Карины, надо стать элитарным самцом. Что такое элита? Это деньги, общение, одухотворенный труд. И все это Алик собирается сложить к ногам семнадцатилетней Карины. Немало.

В этот же год на эти же курсы поступает Доработчик. Они познакомились и подружились.

Алик и Доработчик — не только не похожи, а прямо противоположны. Один смуглый, другой бледный. Один крепкий, другой худосочный. Не говоря о темпераментах: один вспыхивает как спичка, другой сдержан. Но, видимо, что-то в них совпадало. Была в Алике тихая преданность. А Доработчик преданность ценил, как и все, впрочем.

На курсах Алик был занят тем, что любил Карину. На занятиях он думал о том, как они вечером встретятся, и пойдут в кино, и сядут на задний ряд, и он в темноте найдет ее руку. О большем Алик не помышлял. Он берег Карину для себя. Он знал, что они поженятся и тогда будет ВСЕ. От этих мыслей у Алика пресекалось дыхание и спотыкалось сердце. А потом начинало колотиться с утроенной силой. Он любил Карину в буквальном смысле до потери пульса.

Объективности ради надо отметить, что Карина действительно была хороша. У нее прекрасные природные данные: глаза, лицо, фигура. Но плюс к тому она следила за собой, холила и поддерживала свою красоту, что редкость в молодых девушках. Девушки, как правило, хороши молодостью. Этого хватает. А в случае Карины — это молодость плюс усилия. Она отличалась от остальных, как культурная роза от дикого шиповника.

Алик это видел. И не только Алик. Однажды на чьем-то дне рождения к Карине прилепился красавец архитектор. Угроза была серьезной. Красавец не только красив, но и талантлив, богат и свободен. И находился в открытом поиске. Карина, как рыба, могла уйти с крючка. А вне Карины жизнь Алика не имела никакого смысла. Жизнь превращалась в черный мешок, где сидишь, скрючившись, ничего не видишь и нечем дышать.

В один прекрасный, или, правильнее сказать, ужасный, день Алик позвонил Карине и ее мама легким голосом сообщила, что Карина ушла в гости. К кому? Кажется, к Архитектору.

Мать Карины, сорокалетняя свободная женщина, сама искала себе партию. Как подозревал Алик: ищет-ищет — не найдет, меняет партнеров. Она и Карину ориентировала на поиск и наверняка одобряла кандидатуру Архитектора.

Алик положил трубку и сжал челюсти. Он берег свою Карину, как каплю росы. Боялся пролить. Единственное, что он мог себе позволить: взять за руку в темном кинозале. А тут — домой, в холостяцкую квартиру... Вряд ли Архитектор ограничится рукой. Он взломает его клад и возьмет что пожелает. А Карина... Она не предательница, нет. Она просто наивное, любопытное существо и не ведает, что творит, — как ребенок, свесившийся с подоконника. Карина — жертва этого опытного взламывателя. Но Алик не отдаст свою любовь. Он поменяет местами жертву и палача. Вернее, так: он сделает палача жертвой.

Алик взял из дома ледоруб — он был заядлым альпинистом — и отправился к Архитектору.

Алик знал адрес. В свое время он брал у Архитектора ключи от холостяцкой квартиры. И хорошо знал эту квартиру, и широкий диван, и тихую музыку из проигрывателя.

Алик шел с ледорубом. На всякий случай. Алик хорошо лазал по горам, но дрался плохо. Архитектор занимался боксом и дрался хорошо, зато не умел преодолевать вершины. У него были свои вершины.

Дверь долго не открывали, и перед мысленным взором Алика проплывали страшные видения.

Архитектор не открывал потому, что никого не ждал. Он рассчитывал, что неждан-

ный гость позвонит и уйдет. Но гость оказался настырный. Пришлось идти и открывать.

Надо заметить, что ничего ТАКОГО между ним и Кариной не происходило. Карина просто сидела на диване с ногами, туфли-лодочки стояли возле дивана на полу, привалившись одна к другой. А Карина сидела, поджав ноги, вполне уютно. Не официально. Но все-таки рискованно. На грани между «можно» и «нельзя».

Возможно, игра двинулась бы и дальше. Но не двинулась, поскольку явился Алик. Ему открыли. Он шагнул в прихожую, увидел туфли-лодочки возле дивана и ударил Архитектора ледорубом. Как Троцкого. Это была ошибка номер один.

Архитектор упал. А Алик взял Карину за руку и повел за собой. Карина торопливо сунула ноги в туфли-лодочки и ушла за Аликом, потрясенная его ревностью, а значит, и любовью.

Последствием своего поступка Алик не поинтересовался. Он не задержался возле лежащего без сознания человека, не испугался лужицы крови, не вызвал врача, не смутился от собственной жестокости. Может быть, и смутился, и испугался — я этого не знаю. Но знаю, что он ушел и увел невесту. Это была ошибка номер два.

В результате проделанных ошибок Алик получил восемь лет тюрьмы за нанесение тяжелых телесных повреждений.

Как это все происходило: суд и приговор, чувства Алика и чувства его матери, — я не знаю. Но это легко предположить — что испытывает мать, провожая сына в тюрьму на восемь лет.

Из чего состоит человеческая жизнь? Еда, сон, труд, секс, общение. Что такое тюрьма? Это плохая еда. Сон в переполненной камере или бараке. Тяжелый бездуховный труд. Отсутствие секса или навязанный секс. Вынужденное общение.

Во всем плохом, что происходит с детьми, виноваты родители. Даже если это уже большой мальчик — все равно виновата мать. Мать Алика, кстати, была очень крупным ученым. В какой области, я не знаю, да это и не важно. Я помню эту женщину. Она постоянно торопилась. Куда? В свою науку. Там ей было интереснее всего. Об отце я никогда не слышала. Такое впечатление, что его не было вообще. Алика растила только мать. Она любила сына, но не всем существом, а только той частью, которая оставалась от науки. Когда женщина занята, она воспитывает ребенка по линии наименьшего сопротивления, а именно: все разрешает. Так легче всего. Воспитывать — это значит противостоять, на чем-то настаивать, запрещать, тратить энергию. А энергия нужна для другого.

Вседозволенность привела к тому, что Алик легко взял ледоруб и легко опустил его на темя живого человека. И сел в тюрьму.

А может быть, вседозволенность ни при чем. Просто в Алика попал ген отца, которого мы не знали. Мать — работоспособная, одаренная, тихая, некрасивая женщина, похожая на крестьянку. С ее генами Алик в свои двадцать пять лет стал бы доктором наук, а не скакал из одного учебного заведения в другое с одинаковым, примерно нулевым результатом. К тому же Алик был аристократично красив, изысканно нежен. В нем явно просвечивал какой-то таинственный папаша.

А может быть, дело не в наследственности и не в воспитании, а в роковой любви. Такая любовь приносит испытания, а иногда даже забирает жизнь.

Алик сел в тюрьму. Но любовь не потерял. Карина терпеливо и преданно его ждала. С ее стороны тоже была настоящая любовь, а может быть, она видела Алика в действии и боялась получить по голове.

Карина ждала. Училась в институте. Ездил к жениху в ссылку. Писала письма. Получала письма. Это были хорошие времена, как ни странно. Все было ясно. Она — любит и ждет. Он — любим и страдает из-за любви. Вокруг его головы незримо мерцал нимб мученика. Впереди — маяк свободы. Оковы тяжкие падут, и Алик упадет в объятия Карины. Они будут нежно любить друг друга всю жизнь, до старости и в старости. И умрут в один день, чтобы не мучиться

друг без друга. Ради такой перспективы стоит переждать в неволе пусть даже восемь лет. Но Алик вышел раньше — через пять. Его выкупила мать. Не сумела воспитать — плати. Мать заплатила все деньги, заработанные в науке.

Алик вышел из тюрьмы тридцатилетним человеком. Вся жизнь впереди.

Алик и Карина поженились. Начались новые времена, не лучше тюремных. Алик не работал, ему не давали снимать. Он был человеком с пятном, с испорченной анкетой.

Алик тыркался, мучился, ничего не выходило. Он по целым дням сидел дома на тахте и спал с открытыми глазами. Он научился так спать в тюрьме: глаза открыты, но какие-то слюдяные, как у свежемороженой рыбы трески.

Карина тем временем ходила на работу в свое конструкторское бюро, зарабатывала деньги на семью. Холить свою красоту было некогда, да и настроение не то. Она ходила с ломаными ногтями, унылым лицом и не могла понять: когда это кончится? Сколько он будет так сидеть, а все вокруг его кормить? Алику помогала мама. Но как можно уважать мужчину, который в тридцать пять лет берет у мамы деньги?

С тюрьмой все было ясно — восемь лет. А эта новая каторга — бессрочная. До конца дней.

Особенно обидным казалось то, что Карина до двадцати пяти лет сохраняла девственность и отдала ее Алику. Уж лучше бы тогда... С красавцем Архитектором.

А что делает Красавец? Красавец — больше не красавец, а инвалид. Проломанную теменную кость пришлось заместить куском пластмассы. Пластмасса не дышит в отличие от кости. У Красавца начались жуткие головные боли, нарушение мозгового давления и все, что с этим связано. Из хозяина жизни он превратился в беспомощного свидетеля, который может только наблюдать, а сам не участвует.

Если бы Красавец верил в Бога, то, может быть, вера привела бы его к смирению. Вера бы посоветовала: «Смири гордыню». И он бы смирил. Простил обидчика.

Если бы Красавец внимательно читал Льва Толстого, то он бы подставил Алику правую щеку. Но в Бога Красавец не верил, Толстого читал невнимательно и никак не мог уразуметь: почему по вине какой-то сволочи должен потерять здоровье и практически жизнь, потому что такое полупарализованное состояние с палкой — это не жизнь.

За что, спрашивается? За Карину? Но у них ничего не было. Он захотел поухаживать, позвал. Она пришла. Не хотела бы — не пришла. Для того его родила мать, соби-

рала по каплям, чтобы все рухнуло от одного взмаха ревнивого идиота...

Православие учит прощать врагов своих. А иудаизм настоятельно советует мстить: око за око, зуб за зуб... Архитектор не был иудеем, но идея мщения была ему ближе, чем идея прощения. Более того, желание мстить сообщало ему жизненную энергию, держало на плаву. Каждое утро, проснувшись, он думал о способе мщения. И он его нашел. Одолжил у приятеля ружье для подводной охоты. Ружье посылает не пулю, а стрелу. Если пустить эту стрелу в лицо, от затылка ничего не останется. Что-то останется, но будет лежать на полу рядом с головой.

Архитектор спрашивал себя: а что изменится? И отвечал себе: изменится. Будет восстановлена справедливость. Я без головы, и он без головы. А иначе что получается? Архитектор — инвалид, на обеспечении у государства. А Алик, отсидев пять лет, вернулся здоровый и невредимый, женился на этой же Карине и вдобавок ко всему собирается ставить фильм. В случае удачи окажется на гребне славы.

Значит, у одного — одиночество и нищенская пенсия по инвалидности, а у другого — жена, ребенок и слава...

Однако до славы было далеко. Карина была — это правда. Ребенок тоже родился —

мальчик. Но не было работы, не было денег. А безделье и бедность никого не украшают.

Алик приходил к Доработчику и сидел у него на тахте со слюдяными глазами. Он ничего не просил, но все было ясно и так. Доработчик решил ему помочь.

Но как можно помочь? Написать сценарий. Пробыть постановку. Осуществить художественное руководство.

Для написания сценария была приглашена я. Почему я? Очень просто. Я не опаздывала, не пила, могла работать сколько угодно. Мой организм защищали молодость и потребность в творческом труде.

Доработчик тоже был вполне молод, ослепительно талантлив. Его талант обжигал, как южное солнце. Нам было тепло, светло и весело. Алик сидел тут же, на тахте, спал и просыпался с одинаково открытыми глазами. Он вроде бы не сочинял, но был зачем-то нужен. Как фон. С ним лучше придумывалось. Алик тоже внес свой вклад, почерпнутый из тюремной жизни: воровской язык, блатную феню, кое-какие подробности, которых мы с Доработчиком не знали и знать не могли. А именно детали и подробности делают искусство.

У Доработчика были свои творческие дела, которые он отодвинул из-за Алика. Доработчик торопился. Мы работали с утра до вечера.

Я могу сочинять только три часа в день. Приходилось — десять. Нормальные люди так не работают. Я уставала. Меня била нервная дрожь. Шапка Мономаха оказалась тяжелой. Ее несут те, кто жаждет власти. Но ведь слава — тоже власть.

Однажды Доработчик поехал проводить меня домой. Я в то время жила на краю Москвы, возле леса. Мы решили немного погулять. Продышаться. Доработчик начал сочинять, не мог остановиться, но я его не поддержала. В меня не проникало ни одного слова. Я была как сосуд, наполненный до краев.

В темном небе пролетел самолет с огоньками. Доработчик стоял, смотрел в небо. Потом зажмурил глаза и проговорил:

— Голова закружилась...

Мне стало его жаль, я вдруг сказала какие-то слова, не имеющие к сценарию никакого отношения. Он молчал. Потом проговорил:

— Ты хорошая...

Я и в самом деле была хорошая, работающая и доверчивая.

Мы расстались в тот вечер — молодые и яркие, однако в туманной дымке, где ничего не видно и не понятно.

На другой день мы работали у Алика. Когда я вошла, Алик заорал на меня с вытаращенными глазами. Оказывается, пока мы гуляли весь вечер, ему звонила Надя — жена Дора-

ботчика и волновалась: куда это мы запропастились? Алик явно держал сторону Нади.

В этот момент явился Доработчик в замечательном настроении. Алик выразил свое неудовольствие и ему.

Доработчику не было стыдно. Мне тоже. Мы не чувствовали своей вины перед Надей, может, были просто бессовестные. Или срабатывал эгоизм молодости... У нас было приподнятое настроение, а в этом состоянии работается особенно хорошо. Это состояние переходило на страницы сценария. И в конце концов, когда фильм был готов, — передалось и на экран. Фильм получился ясным, смешным и добрым.

Всякое искусство — самовыражение. Мы выразили себя тех, тридцатилетних, наполненных, неисчерпаемых. Сколько ни черпай, а дна не видать...

Но вернемся немножко обратно, в последний день работы. Мы поставили точку в час ночи. В доме Доработчика.

Семья спала. Мы тихо, на цыпочках, вышли на кухню. Доработчик достал стаканы из тяжелого стекла и плеснул в них виски. Все это тогда было в диковинку: виски, тяжелые стаканы. Я прониклась торжественностью момента.

Доработчик произнес тост:
— Самое ценное в человеческой жизни — дружба. Вы — мои друзья, как два камня в моем браслете...

Эти камни в браслете я запомнила на всю жизнь.

Мы выпили из тяжелых стаканов. Потом оделись и пошли к метро. Доработчик вышел нас проводить.

Мы шли по ночной Москве и слышали свои шаги. Я до сих пор помню: звук шагов по сухому асфальту и ощущение хорошо сделанной работы. Мне иногда кажется, что ощущение хорошо сделанной работы — один из смыслов жизни, если не единственный.

Возле метро мы простились. Алик повернулся и пошел, а мы смотрели ему вслед. Он улыбался — мы поняли это по раздвинутым ушам. Улыбка как бы слетала с лица и улетала в пространство. Мы стояли под его улыбкой. Была тихая, светлая минута. Как говорится в таких случаях: ангел пролетел...

Фильм запустили в производство. Начались съемки в павильонах.

Алик каждый день уходил на работу и возвращался вечером усталый. Карина мыла ему ноги — ей так хотелось. Она играла в покорную рабу, демонстрировала, что уважает его труд и его усталость.

Любовь расцвела. Карина похорошела. Алик ходил с лицом скромного усталого гения.

Доработчик, как впередсмотрящий на корабле, смотрел вперед, не допуская столкно-

вений. Но не только смотрел, а иногда поворачивал руль в нужную сторону.

Кончилось все тем, чем и должно было закончиться: фильмом.

Фильм вышел на экраны в декабре и двумя копиями выполнил годовой план кинопроката. Люди покупали билеты с рук, платили по три рубля. Билет в кассе в то время стоил двадцать копеек. Переплачивали в пятнадцать раз.

В зале стоял дружный хохот. Временами он сменялся на светлую улыбку. Все, что мы вложили в сценарий, возвращалось к нам с экрана.

Алик стал знаменит в течение одной недели. В понедельник фильм вышел на экраны, а в следующий понедельник имя Алика уже сияло на кинематографическом небосклоне.

А во вторник к нему явился Архитектор с ружьем для подводной охоты. С таким ружьем ходят на крупную рыбу.

Архитектор пришел рано утром, позвонил в дверь.

Алик спросил:

— Кто?

Ему ответили:

— Почта.

Алик открыл, и в его лицо полетела стрела. Стрела вошла возле носа, пронзила челюсть и вышла за ухом. Видимо, рука Архитектора дрогнула, и стрела пошла по

косой. Она не только не убила Алика, но практически не принесла вреда, если не считать двух зубов.

Алик все понял в ту же секунду, отскочил в кухню и схватил утюг. Если бы Архитектор проследовал за ним, то на пластмассовую перегородку опустился бы утюг. Но сверху по лестнице кто-то шел, и Архитектор решил скрыться с места происшествия. Он спустился этажом ниже, вызвал лифт и уехал.

Алик помчался в больницу, чтобы ему вытащили стрелу. Хвост стрелы имел зазубрины, которые не давали обратного хода. Пришлось отпиливать ножовкой по металлу.

Алик сказал врачу, что это он сам выстрелил в себя. Чистил ружье и нечаянно нажал. Врач качал головой. Стрела прошла по единственно безопасной траектории. Полсантиметра выше, и это был бы смертельный номер.

— Вы счастливчик, — повторял врач. — Просто счастливчик..

Архитектор не знал, как он выстрелил, чем все кончилось. Вечером он набрал номер Алика. Трубку снял сам Алик и спокойным голосом отозвался: «Алло»...

Архитектор промолчал. Не представился. Стало ясно, что он не достиг своей мстительной цели. И самое страшное — не достигнет

никогда. Второй раз он не пойдет. Это оказалось гораздо труднее, чем он думал. Это оказалось почти невыносимо — стрелять в живого человека, хоть и во врага. Недаром слово «преступление» — от «преступить». Надо преступить в себе что-то такое, что отделяет человека от нечеловека.

Архитектор понял, что на второй раз его не хватит. И заплакал. И громко крикнул в трубку срывающимся, не своим голосом:
— Сволочь! Я тебя убью!

И бросил трубку, чтобы снова плакать.

Алик никому ничего не говорил. Он раздобыл пистолет или револьвер, я не знаю разницы и не знаю, где он достал. Где-то...

Алик ждал, что Архитектор явится снова. Когда? Куда? Не ясно. Но явится, чтобы убить.

Алик ложился спать и клал пистолет под подушку. Выходя из дома, он перекладывал пистолет во внутренний карман пиджака.

Время шло, месяц за месяцем, Архитектор все не появлялся. Это состояние ожидания выматывало Алика. Он уже хотел, чтобы Архитектор пришел и все было бы решено раз и навсегда.

Архитектор не шел, однако звонил часто и в разное время. Трубку снимала Карина, иногда ребенок. Но чаще Алик. И каждый раз он слышал:

— Сволочь! Я тебя убью...

Интонация была одна и та же — истерическая, на высоких нотах.

Карина вздыхала и бросала трубку. Ребенок думал, что играют. А Алик каждый раз выслушивал до конца. Потом спокойно клал трубку и шел по делам. И чувствовал успокаивающую тяжесть пистолета.

Алик пожинал славу. Его завалили предложениями. Кинематограф, как светофор, давал ему «зеленую улицу».

У Алика появилась проблема выбора, например: какой сценарий взять — тот или этот? В какую страну ехать — в ту или в эту?

В семидесятых годах поездки за границу были редкостью и привилегией. Алик получил эти привилегии и каждый раз привозил Карине наряды. Он покупал на все деньги только одну вещь, но хорошую, из дорогого магазина. И каждому было видно, что Карина — дорогая, удачливая женщина, которая вытянула счастливый билет.

Все женщины во всем мире имеют, как правило, два вида одежды: выходную и повседневную. Карина совмещала эти два вида в один. Свои самые красивые вещи она носила каждый день. В чем ходила по даче, в том же выезжала в Дом кино. В этом была какая-то свобода и широта.

У меня, например, всегда существовали выходное платье и туфли. Они годами оби-

тали в шкафу, дожидаясь своего часа. А Карина считала: выходные туфли — значит, вышел и пошел. Особой минуты не бывает. Каждая минута — особая.

Карина каждую минуту была прекрасна. Но Алик не замечал. Он постоянно к чему-то прислушивался. Иногда во время застолья и даже во время тоста он как будто забывал слова. Замолкал и замыкался. Он вспоминал или в нем звучало: «Сволочь, я тебя убью!..» И все становилось неинтересно.

И даже во время любви, когда душа воспарялась ввысь, когда атласная, благоуханная Карина шептала слова страсти, вдруг — как холодной водой окатывало: «Сволочь!..» И душа никуда не воспарялась. И ничего не хотелось, кроме покоя.

Алик сменил телефон, и звонки прекратились.

Прошло полгода. Никто не звонил.

Алик искал новый сценарий. Не мог определиться. Чего-то ему не хватало или, наоборот, было лишним. Тишина — вот что было лишним. Эти крики из телефонной трубки связывали его с Архитектором. Пусть уродливая, противоестественная, но это была связь. А сейчас она оборвалась. Алик понял, чего ему не хватало: энергии чужой ненависти.

Всякая палка имеет два конца. На одном конце — его вина. На другом — чужая нена-

висть. Одно уравновешивало другое. А теперь ненависть куда-то пропала. Вина стала тяжелой, неподъемной, как паровоз.

Однажды Алик взял и позвонил Архитектору. Зачем? Он и сам не знал. Трубку сняла женщина.

— Позовите, пожалуйста.. — Алик запнулся. Все называли Архитектора — Лодя. Но ведь это не могло быть имя.

— Вам Володю? — подсказала женщина.

Алик сообразил, что Лодя — это сокращенное от Володи.

— Он умер, — сухо сказала женщина. — А кто спрашивает?

Алик не ответил. На другом конце положили трубку. Запикали гудки.

Архитектора больше нет. Пистолет можно выбросить, а можно спрятать на даче.

Алик прислушался к себе. Он ожидал, что почувствует облегчение, с души сойдет паровозная тяжесть и можно будет подскочить вверх и зависнуть от легкости. Как в невесомости. Но ничего такого Алик не чувствовал. Стоял пустой, как труба, и по нему гулял ветер.

Я помню, как увидела Алика в первый раз — в метро. И помню, как в последний — у него на даче.

Доработчик вернулся из Италии и привез нам подарки. Я все еще была камнем в его браслете, хотя мы начинали ссориться.

Отношения не стоят на месте, они развиваются. А развиваться им было некуда. У меня была семья, у Доработчика семья. Как говорил один знакомый югослав: «Зачем портить комплект?»

Бросить близких — это все равно что дать им ледорубом по темени. Жить будут, но как?.. И как ты сам будешь жить после этого?..

Доработчик вернулся из Италии, и мы поехали к Алику на дачу.

Стояло бабье лето. Мы развели костер и стали сносить в него сухие ветки. Алик задумчиво смотрел на огонь и немножко щурился. Люди любят смотреть на огонь. Это осталось еще с первобытных времен.

Доработчик принес гитару, настроил и стал петь, прохаживаясь по траве. Он был в соломенном сомбреро и походил на испанца. Или на цыгана. Что-то живописное.

Потом мы жарили на углях мясо. Алик смотрел перед собой и, казалось, к чему-то прислушивался.

А потом мы уехали, а Алик остался. Он сказал, что ему надо рыть траншею для водопровода.

Алик лег спать в холодной даче. И ему приснился сон, будто он стоит с лопатой на дне узкой глубокой траншеи. Появился Архитектор и стал наблюдать за его работой.

содержание

один из нас	5
почем килограмм славы.....	31
немножко о кино	73
мой мастер.....	102
джентльмены удачи	
<i>киноповесть</i>	124

Литературно-художественное издание

токарева
виктория самойловна
почем килограмм славы

Редактор Д.ГУРЬЯНОВ

Художественный редактор П.ПОДКОЛЗИН

Корректоры К.КАРЕВСКАЯ, Н.СОКОЛОВА

Технический редактор Л.СЕНИЦЫНА

Компьютерная верстка Т.КОРОВЕНКОВОЙ

В оформлении обложки использовано фото

© waku/shutterstock.com

Фото на задней стороне обложки из личного архива автора

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —

обладатель товарного знака «Азбука»

119334, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

в г. Санкт-Петербурге

191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

Тел. (812) 327-04-55

E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»

04073, Киев, Московский проспект, д. 6, 2-й этаж

Тел./факс (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

16+

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Подписано в печать 25.04.2016. Формат 75×100 1/32.

Бумага газетная. Гарнитура «Original Garamond»

Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,66. Тираж 5000 экз.

В-TGP-16816-01-R. Заказ № .

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,

Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А

www.pareto-print.ru